

ЧАСТЬ 3

НА ВОЛНАХ ОРИГАМИ

Посвящается памяти Анны Джейн...

ПРОЛОГ

Я всегда думала, что с крыши небоскреба небо будет выглядеть ближе, но это оказалось моей очередной иллюзией и только.

Чужие уставшие облака медленно плыли к западу, обгоняя оранжевое солнце, что озаряло здания теплым медным светом. Однако облака оставались такими же далекими, как и раньше. Сколько ни протягивай руку — так никогда и не достанешь. Должно быть, с любовью точно так же. Сначала тебе кажется, что она, наконец, рядом, и ты наслаждаешься ею и бережно хранишь в своем сердце, но стоит тебе захотеть почувствовать ее, дотронуться, дабы точно понять, что она — настоящая, как осознаешь — ты никогда не сможешь приблизиться к ней и твой удел лишь любоваться ею издалека. Как я — небом.

Вид на чужой город со смотровой площадки открывался шикарный; множество людей: и местных жителей, и туристов — приехали сюда, чтобы насладиться потрясающим зрелищем, и лишь я смотрела на все это безжизненным взглядом. До сих пор было сложно прийти в себя от того, что узнала, но еще больше меня потрясло другое — одиночество, которое, казалось, уже гладило меня по спине костлявой рукой с выступающими венами.

Браться за фотоаппарат, висевший на шее, тот самый, подаренный Антоном, не хотелось. Я могла бы сделать множество невероятных снимков, запечатлеть один из самых прекрасных видов в моей жизни, но руки не поднимались сделать этого. Они лежали на перилах — такие же безжизненные, как и взгляд.

Ты не виновата. Ты ничего не могла поделать.

Наверное, так, но...

Но это больно, правда? Второй раз нам никто не вызовет некроманта.

Я вздохнула, обхватив себя руками, — так больно стало где-то в глубине сердца.

Все большее количество людей заполняло смотровую площадку небоскреба: раздавались радостные голоса и смех, восторженно щел-

кали объективы фотоаппаратов, а я не могла пошевелиться и просто стояла, стояла, стояла... Ничего не слыша и никого не замечая.

Небо стремительно чернело, как будто бы кто-то широкими мазками закрашивал его черничной акварелью, и этот же неведомый творец грозился пролить на свой холст воду. Люди с тревогой смотрели вверх и недовольно хмурились. Они заплатили деньги за то, чтобы насладиться чудесным видом, а какой-то там дождь менял им все планы.

Знали ли они, что дождь может сделать серым и небо, и жизнь? Я — знала.

Кто-то, увидев черные набухшие тучи, предпочел спуститься вниз, многие переместились в крытую зону площадки. А я застыла на одном месте, чувствуя, как играет с волосами ветер и как первые холодные капли падают на руки. Небо хмурилось облаками, как ребенок, который вот-вот заплачет. А мне даже плакать не хотелось. Пусть за меня это сделает небо — мы ведь с ним так хорошо знакомы и сейчас смотрим друг на друга с непозволительно близкого расстояния.

Я не боюсь дождя. Я не боюсь воды. Я всегда тону, и мне уже больше не страшно.

Одна из капель попала точно на щеку, оставляя на ней мокрый след, словно большая холодная слеза. Я смахнула ее — надо же, на моем пальце частица того самого неба, пусть даже в виде простой капли...

Я улыбнулась случайному открытию — неужели вода может быть небом?

И тотчас улыбка стерлась с лица.

Господи, что мне теперь делать?..

Больше не было смысла тонуть в воде. Мне хотелось утонуть в черном грозовом небе...

...В себя меня привело внезапное движение за спиной — чьи-то широкие ладони вдруг закрыли мои глаза. Я замерла и, кажется, даже забыла, как дышать.

Тот, кто молча стоял позади, появился на смотровой площадке одного из самых высоких зданий этого чужого огромного города совершенно внезапно. И почти умершая надежда попыталась воскреснуть.

Неужели?..

— Антон? — прошептала я.

Человек не убирал ледяных рук, и я горько рассмеялась, поняв, что ошиблась. Его ладони совсем другие: не теплые и не холодные... Станные. И от пальцев его пахло не привычным кофе, а лимоном. Антон ненавидит цитрусовые.

— Кирилл?

На небе сверкнул росчерк молнии, а холодные пальцы скользнули по моей коже вниз.

* * *

Май

Длинные гудки.
«Абонент находится вне зоны действия сети».
«Аппарат абонента не отвечает или временно недоступен».

Андрей Коверин, менеджер популярной рок-группы «На краю», с трудом сдержал себя, чтобы не швырнуть телефон в стену. Вот уже второй час он пытался дозвониться до своих музыкантов, но терпел неудачу за неудачей: ответом ему был то механический женский голос, то противные гудки.

И где они только шлются, когда давно должны были быть здесь, в студии, на записи передачи!

Этот видный мужчина, облаченный в деловой, идеально выглаженный дорогой костюм однобортного покроя, кинул на наручные часы короткий взгляд и вновь выругался. Прямой эфир вот-вот должен был начаться, а этих самодовольных дураков все еще не было. Подумать только!

Из-за потери контроля над ситуацией Андрей, не переставая набирать знакомые до зубовного скрежета номера, машинально мерил шагами один из многочисленных коридоров высотного здания, где располагалась студия популярного музыкального телеканала MBS. Эфир, подготовка к которому шла полным ходом, угрожал быть сорванным.

— Извините... — боязливо выглянул из-за угла один из помощников исполнительного продюсера — молодой человек с изрядно всклокоченными волосами. — А это... когда «На краю» будут? Шеф интересуется. Их ждут.

Андрей волком глянул на него, и парень поежился. Он уже не в первый раз задавал этот вопрос менеджеру НК и, кажется, уже порядком раздражал его. Но что он мог поделать, если это была его работа? Парень вообще находился меж двух огней: злым и дерганным исполнителем продюсером и недовольным менеджером «На краю».

— Скоро, — таким уверенным спокойным голосом сказал Андрей, что никто бы не смог заподозрить его во лжи. — Передай шефу, что очень скоро.

Парень торопливо кивнул и скрылся из виду — побежал докладывать, а менеджер только стиснул зубы. Куда запропастились его детки? Им невдомек, какой может быть неустойка за сорванный эфир? Или с ними что-то случилось?

Неожиданный звонок заставил его едва заметно вздрогнуть, но он, увидев, кто звонит, тотчас ответил.

— Кей, ты думаешь, это смешно? Тридцать минут до эфира. Ты где? В аду?

— Прости, я решил переехать в Гваделупу, гоню к аэропорту, — полный откровенно-ложного раскаяния голос фронтмена НК заставил мужчину медленно выдохнуть, прикрыв глаза.

— Кей, — с трудом сохранял спокойствие его менеджер.

— Мне просто страшно сниматься в шоу, — поделился с Андреем тот. — Я так боюсь. Все эти камеры, объективы, незнакомые злые люди...

— Да ты что?

— Шутка, — рассмеялся лидер «На краю». К пристальному вниманию он давно уже привык.

— Шутник, — процедил сквозь зубы Коверин. — Ты забыл о неустойке за сорванный эфир? Догадываешься, какой у нее размер?

— Догадываюсь. Четвертый?

— Кей, не глупи. — Вкрадчивость в голосе Андрея увеличивалась прямо пропорционально шуточкам солиста НК. — Где ты? Ты помнишь, что должен быть на эфире?

— Помню. Мы с Филом застряли в пробке в паре кварталов от студии. Если ты попросишь, чтобы мы двигались быстрее, то буду вынужден тебя огорчить — я не летаю. И да, вытаскивать себя из тачки и бежать я тоже не намерен.

— Не сомневаюсь. И когда вы приедете?

— Минут через пятнадцать.

— Так, отлично. — Голос у менеджера оставался ровным, хотя он очень обрадовался тому, что хотя бы двое из пятерых нашлись. — Где остальные?

— А их еще нет? — удивился Кей.

— Если бы были, я бы не спрашивал. Так где они?

— Без понятия. Я не их нянечка, чтобы постоянно контролировать. Это ты у нас занимаешь эту почетную должность. — Кей никогда не

страдал переизбытком манер. Скорее, их недостатком. Хотя кто-то даже видел в этом его особую привлекательность.

Коверин же пропустил эту фразу мимо ушей. Теперь, когда он точно знал, что хотя бы двое музыкантов будут на злосчастной передаче, то почти успокоился — все не так погано, как казалось.

— Кстати, что у вас с телефонами? — поинтересовался он между делом.

— Сеть плохо ловит, — недовольно бросил фронтмен «На краю». — И батарея Фила села.

— Не надо было телефоном кидать, — услышал Андрей поучительный голос Филиппа где-то на заднем плане.

— Через пятнадцать минут вас будут ждать у служебного входа. — И, скупно попрощавшись, менеджер переключился на вторую линию, по которой ему звонил еще один пропавший участник группы — Келла.

— Ты где? Когда будешь в студии? Почему недоступен? — вновь начал допрос с пристрастием Андрей. Голос его стал более громким и властным. С этим парнем следовало разговаривать несколько иначе, чем с Кеем. Индивидуальный подход — вот что было девизом Коверина.

— У меня огромные проблемы! — прокричал в трубку барабанщик.

— Какие проблемы? — нахмурился менеджер, потирая лоб. Во что этот парень опять ввязался?

— Личные, мать твою, личные! Я не приеду, — всегда был чересчур эмоциональным Келла. Последнее, что услышал изумленный Андрей, был плач маленького ребенка и вопль барабанщика:

— Да сделай ты что-нибудь с ним!

— Сам сделай, если такой умный, — огрызнулся женский надменный голосок.

— Эй! Келла! Келла! — вновь длинные гудки стали ответом разозленному менеджеру. — Вот паразит.

Связь прервалась, и как Андрей ни старался, так и не смог дозвониться до барабанщика. Впрочем, как и до Арина, Рэна, а также команды техников.

Живое выступление «На краю» в прямом эфире превратилось в призрака.

Андрей стукнул кулаком по стене, причем, тут же взял себя в руки и быстрым шагом направился к продюсеру — не исполнительному, отвечающему за выпуск программы, а к генеральному, который, кстати говоря, лично пригласил «На краю», дабы «обрадовать» его, что

группа приедет в неполном составе. Тот вошел в положение и сразу же поставил в известность режиссера, и его команде пришлось тут же переделывать кое-какую часть сценария, чтобы не напортачить с хронометражем.

Генеральный продюсер, как и Андрей, настроенный по-деловому, знающий цену времени и деньгам, но тонко чувствующий, с кем и как нужно разговаривать, был крайне недоволен, но виду не подавал. На это у него, естественно, были свои причины — его канал первым добрался до команды «На краю», которая буквально только что вернулась из США, где участвовала в грандиозном по финансированию и трансляции фестивале наряду с мировыми монстрами рок-сцены.

— Что же, по крайней мере, будет Кей, — тщательно подбирая слова, проговорил генеральный продюсер, сомкнув пальцы в замок и с отвращением поглядывая на остывший кофе. — А это уже... м-м-м... весомо.

Андрей только учтиво кивнул, не забыв тонко, как-то даже профессионально улыбнуться. Он терпеть не мог, когда его планы рушились.

Оставалось надеяться, что Кей и Фил вытянут прямой эфир.

* * *

В студии авторской программы «Время быть впереди» было шумно и оживленно, хотя до прямого эфира оставалось немного. Гости передачи приехали буквально только что, и теперь съемочная группа носилась вокруг них: Кею и Филу закрепляли микрофоны, проговаривали сценарий, гримировали, в спешке о чем-то расспрашивали и что-то уточняли. Эта нескончаемая суматоха почти мгновенно передалась и в просторную режиссерскую аппаратную, находящуюся в соседнем помещении.

«Царь и бог» аппаратной — режиссер, не по погоде облаченный в бело-синий, с оленями, свитер, сидел перед видеомикшерным пультом с десятками «линеек» — рядами кнопок и внимательно всматривался в многочисленные мониторы, расположенные прямо перед его глазами. Рядом расположилась и его команда: шеф-редактор, ассистенты режиссера, редактор по титрам, оператор телесуфлера, инженер. Позади, за прозрачной перегородкой, находился веселый звукореж, восседающий за своим пультом со множеством микшеров, лампочек и рычажков, каждый из которых был подписан.

В этом месте вообще было множество непонятной техники, куча компьютеров и разномастных экранов, сотни кнопочек и километры

проводов, и потому непосвященному оно напоминало центр управления космическими полетами.

— Пять минут до эфира, — привычно объявил режиссер в микрофон, все так же не отрывая взгляд от экранов. Он только что вернулся из студии, где раздавал нерадивым подчиненным новую порцию указаний и сам лично поправлял свет — новый осветитель, по его мнению, был криворуким и бездарным.

Один из ассистентов — молодой парень с татуировками и лысой, как коленка, головой, потер руки в предвкушении. Сегодняшних гостей он ждал с нетерпением и очень уж хотел, чтобы эфир побыстрее начался. К тому же все шло без накладок: аппаратура была отрегулирована, а звук и картинка настроены заранее. Все ждало своего часа. Вернее, минуты или даже секунды — именно они являлись главной временной единицей измерения в российском отделении музыкальной телекомпании MBS, на которой «Время быть впереди» выходило в прямой эфир каждую неделю. Впрочем, это были единицы измерения и всего телевидения в целом.

В нескольких мониторах, на которые передавались планы камер, направленных на ведущего, появился Остап Зайцев. Его тут же начали усиленно припудривать, мешая читать сценарий и поправки к нему.

— Расселся, умник, сейчас опять звенеть начнет на всю студию, — не пылал к нервному экзальтированному Остапу пламенными чувствами режиссер и, пока тот не слышал, позволил себе пару нелестных эпитетов на его счет, как всегда, повеселив всю команду.

Знаменитый музыкальный журналист и модный критик Остап Зайцев, отдавший своему делу почти двадцать лет из сорока с хвостиком прожитых, сидел в красном кресле с высокой спинкой, чинно положив одну тощую длинную руку на подлокотник, а вторую вытянув вперед — в ней был зажат сценарий, в который ведущий все время косил одним глазом.

Слева от ведущего порхала гример, старательно поправлявшая грим. Справа прыгал один из ассистентов. Он, от усердия высунув кончик языка, прикреплял к Остапу «ухо» — специальный микрофон, чтоб ведущий мог слышать режиссера.

— Может, уже хватит? — прогнусавил господин Зайцев, который никак не мог сосредоточиться на сценарии.

— Сейчас-сейчас, Остап Васильич, — прощепетала гример. — Еще минуту!

— Через минутку у меня прямой эфир начнется, дорогуша, — важно отвечал ведущий. На вид он был худ, высок и нескладен, одевал-

ся сделано небрежно и даже иногда специально безвкусно, на манер самого Маяковского постоянно нося галстук-бабочку вызывающего пурпурного цвета, а иногда даже и трость. Однако, несмотря на маленькие причуды, журналистом был отменным, да и с ролью телеведущего справлялся замечательно. Недаром его программа, принимающая самых разных гостей, пользовалась большой популярностью.

Едва лишь гример отскочила, как все тот же помощник режиссера подлетел к Остапу с «петлей» — петличным микрофоном, и стал закреплять его на лацкан модного полосатого пиджака.

— Четыре минуты до эфира. Пошевеливаемся, народ! — раздался голос режиссера.

— Быстрее, я тут занят как бы, между прочим! Программу веду! — рявкнул помощнику ведущий, правда, без обычной своей холерической нервозности. Сегодня Остап находился в тщательно скрываемом восторге. Он уже давно хотел взять интервью у ребятки из «На краю», ибо считал их весьма перспективными. Еще бы, одна из немногих команд, которая сумела заявить о себе на весь мир — почти беспрецедентное событие для отечественного мира музыки! Правда, сегодня на его программу группа приехала в неполном составе, но присутствие фронтмена — Кея это частично компенсировало. Журналистская натура Остапа страстно желала задать ему тысячу и один вопрос. Да и позабавиться с ребятами тоже было бы неплохо — зазнались, небось, после знаменитого фестиваля.

Когда-то господин Зайцев сам, еще в бурной советской молодости, играл рок, да только вот толкового музыканта из него не получилось, зато вышел отличный журналист, вращающийся во всех кругах шоу-бизнеса. Известность и авторитет давали ему возможность приглашать к себе как звезд, так и малоизвестных личностей, которые нередко после выпуска набирали популярность. Зайцев брал интервью и у западных артистов и музыкантов, например, в этом году встречался с командой Red Lords и гениальной оперной дивой Джинной Грациани.

Его передача «Время быть впереди» славилась своею прямоотой, порою излишней, и откровенными вопросами, которые вели к неожиданным сенсациям. Гостей здесь любили и умели ставить в тупик, ошеломляя показами провокационных видео— и фотоматериалов, не скупясь на другие «веселые гадости», которые Остап придумывал лично. Именно поэтому передача имела хорошие рейтинги. А рейтинг сегодняшнего выпуска обещал быть просто отличным! И чтобы поднять его еще выше, журналист сам себе дал клятвенное обещание вытянуть из рокеров что-нибудь сенсационное. У него уже были сделаны для этого

великолепные заготовки, которые в сценарии не значились, и даже вездесущий менеджер «На краю» ничего о них не знал. Иначе никогда бы не дал согласия на участие своих парней в передаче Остапа.

— Чувствую, сегодня будет отменный эфир, — пожевывая спичку на манер американского ковбоя, пробормотал инженер, наблюдавший через монитор за Остапом, опять на кого-то орущим.

— С чего взял? — недовольно спросил режиссер, уже успевший сгонять к звукрежу, чтобы дать ему парочку-другую команд, и обговорить какие-то детали с шеф-редактором и ее командой, которым в спешке пришлось менять кусок сценария передачи из-за отмены выступления «На краю».

— С того. Чуйства у меня такие.

— А засунь себе свои чуйства... — режиссер коснулся указательным пальцем микрофона, поправил его и сказал, глядя на электронные часы, висевшие над мониторами:

— Три минуты до эфира. А может ты и прав, Васильич, — обратился он вновь к инженеру, продолжающему задумчиво жевать спичку. — Может, и отменный эфир будет.

Теперь его острый взгляд был направлен на другую камеру, в которой отображался один из гостей программы.

Молодой человек с пепельно-русыми волосами неподвижно сидел, закинув ногу на ногу, неподалеку от Остапа. Вокруг парня тоже порхали гримерши, восторженно на него глядя — и было понятно, почему. У музыканта оказались неплохая спортивная фигура, высокий рост и запоминающееся лицо — не смазливое, искусственное, порченное якобы незаметной пластикой, а действительно красивое, естественное, с правильными пропорциями. Правда, лицо гостя сегодняшнего прямого эфира было отстраненным, холодным. И девочки-гримеры между собой в шутку сравнили его с мальчиком из сказки «Снежная королева». К тому же и имена их были созвучны: Кай и Кей. Тонкий лед равнодушного спокойствия будто бы застыл в черных выразительных глазах, гармонично контрастировавших с волосами — стилисты частенько подбирали Кею интересные, а порой и устрашающие линзы.

Он внимательно слушал Остапа. Полностью сценарий согласовали только сейчас, решив, что вместо обещанного лайф-выступления Кей споет под аккомпанемент гитары Фила в первой половине передачи.

— Сделаем отличную программу, положитесь на меня, — весело пообещал гостям ведущий. И музыканты только кивнули. А сотрудники программы молчаливо сошлись во мнении, что те — парни нор-

мальные. Кей, вопреки слухам, вел себя адекватно, а Фил улыбался редакторам и шутил, чем тотчас завоевал их расположение.

Вихрь предэфирного беспокойства усилился.

— Две минуты до эфира, — раздался зычный голос режиссера, и все привычно занервничали.

Остап резво, как кролик, подбежал к музыкантам и принялся им вновь втолковывать что-то о самом начале программы. Особое внимание он уделял Кею как лидеру группы. Тот только кивал в ответ, задумчиво касаясь медной серьги цилиндрической формы. В последнее время сдержанно-благородные, обращенные к механике элементы постпанка часто можно было заметить в сценическом образе и остальных музыкантов «На краю».

Зайцев тоже отлично чувствовал, что вокруг этого его гостя царил едва уловимый ореол редкой королевской холодности и отстраненности, и оттенок этого ореола был бриллиантовым — не вычурным, но ярким, привлекающим внимание игрой света и чистотой. Отличное образное воображение Остапа тут же сравнило Кея с одним знаменитым камнем, который он недавно видел в Смитсоновском институте Вашингтона, когда был на экскурсии в Национальном музее естественной истории. С алмазом Хоупа.

К тому же на шее Кея виднелась простая серебряная цепочка с небольшим драгоценным камнем голубого цвета, которая случайно попала поверх черной футболки. Наблюдательный Остап успел заметить ее до того, как Кей засунул украшение под одежду.

«Ну, алмаз от рока, озари мою студию блеском, — подумал ведущий. — А уж освещение я тебе предоставлю. Помогу заиграть всеми гранями». И он потер руки, вспоминая весь тот материалчик, который успел приготовить не без помощи добрых людей.

— До эфира минута! — провозгласил режиссер почти торжественно.

Об этом знали все, кто находился в студии, но никто и не подумал убегать из-под прицела оптики.

— А его любят камеры, — даже как-то азартно произнес режиссер, сосредоточенно глядя на секундомер.

— Красавчик. Чего его не любить камерам? Камера — она тоже баба, — услышал его слова весельчак-звукорежиссер. — А бабы за этим мальцом только так бегают. У меня вон старшая дочка от него без ума. Надо бы для нее автограф взять, что ли.

— Если бы он был хромым косомордным уродом, поверь, камера все равно его бы любила, — уверенно отозвался режиссер. — Харизма, черт ее возьми за ногу дважды!

Он, умудренный богатым жизненным опытом, давно заметил, что в действительно талантливых есть нечто неуловимое, яркое, магнетическое — такое, что заставляет других тянуться к ним. И у Кея все это было в избытке. Впрочем, как и в гитаристе. Этот невысокий, даже хрупкий паренек со специально спутанными густыми русыми волосами, в которых затерялись каштановые и темно-зеленые пряди, тоже пришелся камерам по вкусу. В них он казался куда выше и внушительнее, чем в реальной жизни. Черная гитара в его руках с неожиданно большими ладонями и длинными пальцами придавала Филу некоторое очарование, присущее, наверное, только музыкантам. Дополнительную изюминку вносил и устрашающий грим, нанесенный только на одну сторону тонкого лица, которое тут же стало мужественнее и зловещее, и бридж-пирсинг — прокол переносицы.

И Кей, и Фил были талантливыми, но, что более важно, могли повести за собой и других.

На двери, ведущей в студию, загорелась красным надпись: «Тихо, прямой эфир!»

— Погнали, ребята. Десять секунд до эфира, — громко произнес в микрофон режиссер. И после его следующей короткой, но четко произнесенной фразы во всем аппаратно-студийном блоке, наконец, наступила тишина. В мониторах оставались теперь только ведущий, натянувший фирменную улыбочку, и его гости.

— Пять секунд! Внимание, приготовились. Мотор!!! Пошла шапка! — браво скомандовал режиссер.

На многочисленных мониторах аппаратной тотчас появилась белосине-голубая заставка, сопровождающаяся быстрой звучной музыкой.

— Отлично, первая камера пошла! — скомандовал режиссер.

И многочисленные зрители увидели, наконец, на своих экранах довольного собой и жизнью ухмыляющегося ведущего в пурпурной бабочке.

— Добрый вечер, с вами снова я — Остап Зайцев и программа «Время быть впереди».

Голос у него был слегка резковатый, как будто бы въедливый, и из-за этого многие его гости немного терялись.

— Сегодня наш выпуск будет посвящен действительно талантливой группе, вернувшейся совсем недавно из славных заграниц, прямо со знаменитого американского фестиваля. Да-да, того самого! Что? Вы еще не знаете, кто это? Тогда мы вам расскажем!

Режиссер почти в это же мгновение велел поставить ролик, в котором кратко и не без некоторого модного ныне пафоса рассказывалось об истории возникновения и становления группы «На краю», а также

о каждом из ее участников. Все это сопровождалось яркими фото, кадрами с выступлений и редкими, предоставленными заранее Андреем хоум-видео, а также словами известных деятелей искусства и простых фанатов.

— Я хочу отсюда смотаться, — раздраженно сказал Кей, глядя на монитор, по которому транслировалась запись. В этом суматошном царстве софитов, камер и кранов он чувствовал себя не самым лучшим образом.

— Да ладно тебе, — хлопнул его по плечу Филипп. Ему тут нравилось. Да и девочки-редакторы были милашками.

— До эфира пять секунд, готовимся, — раздалось в ушах обоих музыкантов. — Три, две, погнали!

Вновь загорелась красная лампочка, говорящая о том, что идет запись, и тишина опять ворвалась в помещение.

— Итак, в студии «Времени быть впереди», можно сказать, уникальные гости, — с довольным видом начал Остап, как будто бы собрался сообщить присутствующим, что баллотируется в президенты. — Тут, конечно, можно поаплодировать, но, увы, в нашей студии нет тех несчастных, которые обязаны это делать на ток-шоу по сигналу, как собачки Павлова при возгорании лампочки. Итак... — он сделал торжествующую паузу.

— Да не тани ты уже, — не выдержал режиссер. Он терпеть не мог витиеватую манеру ведущего изъясняться.

— ...приветствуем, «На краю». Правда, группу представляют всего лишь двое ее участников из пяти, но, думаю, это не сделает наше общение менее интересным.

Режиссер, по привычке с профессиональным напряжением наблюдавший за мониторами, переключился на камеру, на которой отображались в полный рост фронтмен и гитарист НК. После каждого из известных музыкантов показали крупным планом.

— Кей, Фил, рад встрече, — кивнул музыкантам Остап, предвкушая.

— Взаимно, — ответил Кей.

— Куда, кстати, ваши друзья подевались?

— Какие еще друзья? — тонко улыбнулся тот.

— Ну, как какие, — развел руками Остап, — из группы вашей, «На краю».

— В первую очередь они наши коллеги, — Кей машинально откинул со лба волосы. — Те, кто делает с нами одну и ту же работу.

— То есть вы занимаетесь не творческой деятельностью, а работой? — с места в карьер спросил Остап, покачиваясь в своем кресле.

